

М. Мильчик

Деревянная архитектура русского севера

Страницы истории

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 504
ББК 20.1
М11

M11 **М. Мильчик**
Деревянная архитектура русского севера: Страницы истории / М. Мильчик – М.: Книга по Требованию, 2023. – 126 с.

ISBN 978-5-458-28722-7

Книга посвящена некоторым малоизученным страницам истории деревянной архитектуры русского Севера XVII - XVIII вв. Она целиком построена на подлинных письменных и изобразительных документах. Эта ее особенность дает возможность предложить графические реконструкции как отдельных памятников, так и целых ансамблей, не сохранившихся до наших дней. Тем самым книга расширяет представления читателей о многообразии типов жилых, культовых и крепостных построек, существовавших в прошлом. Привлекаемые материалы позволяют впервые подробно рассказать об организации и ходе строительных работ, о "добром мастерстве" плотников Севера. Книга иллюстрирована репродукциями старинных чертежей, миниатюр и фотографиями.

ISBN 978-5-458-28722-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Юксовичей (Ленинградская область) датируются, да и то предположительно, соответственно — до 1391 [51, с. 106]^{*}, 1486 [25, с. 161] и 1493 гг. [39, с. 187—188; 34, с. 76]^{**}.

От каменных зданий, даже если они и разрушены до основания, обычно остаются фундаменты или хотя бы фундаментные рвы, позволяющие в большинстве случаев восстановить плаи, определить особенности кладки. От деревянных же строений часто не остается и этого, а потому изучение тех, что давно исчезли с лица земли, наталкивается на трудности почти непреодолимые, что не раз отмечали исследователи деревянного зодчества [16, с. 173; 30, с. 36].

Известны, к примеру, типы деревянных храмов, подобные которым в прошлом веке насчитывались еще десятками. Сегодня от них остались единицы. О существовании других мы знаем только по фотографиям конца прошлого—начала нашего столетия. Несметное число было лишь упомянуто летописями, писцовыми книгами или иными документами прошлого. А сколько исчезло и вовсе бесследно?! Не дошла до нашего времени и ни одна деревянная крепость ***.

Естественно, что все, интересовавшиеся деревянной архитектурой, стремились прежде всего как можно больше зафиксировать из того, что сохранилось. Еще в 20-е годы академик И. Э. Грабарь с большой прозорливостью писал: «Изучение народного искусства русского севера находится в том зачаточном состоянии, когда приходится думать не столько о научном его исследовании, сколько о простом иакоплении материала. Мы все еще слишком мало собрали и потому слишком мало знаем, чтобы решать сложные и спорные вопросы о происхождении и эволюции отдельных типов и форм, и даже хотя бы серьезно систематизировать собранное: пока надо только ездить, фотографировать, зарисовывать, собирать эти исчезающие с каждым годом бесподобные вещи, а там когда-нибудь доберемся и до исследований» [27, с. 3].

Надо сказать, что трудами объездивших и исходивших основные дороги русского Севера сделано было чрезвычайно много. Архитекторы В. В. Суслов (1857—1921), Д. В. Милеев (1878—1914), Ф. Ф. Горностаев (1867—1915), Л. Р. Сологуб (1884—?), К. К. Романов (1882—1942), художники и историки искусства И. Э. Грабарь (1871—1960), И. Я. Билибин (1876—1942), В. А. Плотников (1866—1917) и многие другие еще до 1917 г. сфотографировали и обмерили сотни памятников. ****. Их работу продолжили советские историки архитектуры.

Собранный материал лег в основу тех капитальных исследований, появление которых предсказывал И. Э. Грабарь. Это неопубликованная работа К. К. Романова о крестьянском жилище ****, книги Р. М. Габе [26], С. Я. Забелло, В. Н. Иванова и П. Н. Максимова [34], Е. А. Ащепкова [16], И. В. Маковецкого [43], В. П. Орфинского [52]. Особняком среди них

* В. П. Орфинский относит церковь Лазаря к XVI в. (1578 г.?) — см. Орфинский В. П. Логика красоты. Петрозаводск. 1978, с. 59—60.

О том же писал и М. В. Красовский [39, с. 184].

** Согласно недавно обнаруженному документу, Георгиевская церковь построена в 1522 г. (ЦГИА, ф. 796, оп. 37, № 56, л. 1 об.).

*** Сохранились лишь искаженные перестройками башни Якутского, Илимского, Бельского и Братского острогов, а также надвратная башня Николо-Корельского монастыря, перевезенная в московский музей села Коломенского [35, с. 201; 21, с. 7—29; 37, с. 41—42; 34, с. 67—68].

**** Большинство обмеров и фотографий памятников деревянной архитектуры хранится в Научно-исследовательском музее Академии художеств СССР, Ленинградском отделении Института археологии АН СССР и Научно-исследовательском музее архитектуры им. А. В. Щусева.

***** Архив ЛОИА. ф. 29, оп. 2, № 1123.

стоит труд М. Г. Милославского о технике деревянного строительства на Руси [45], целиком построенный на богатом архивном материале.

И все же наши представления о деревянных постройках прошлого, даже не очень древнего — 200—300-летней давности, о многообразии существовавших типов, об их распространности, о богатстве конструктивных и композиционных решений до сих пор имеют большие пробелы. Достаточно сказать, что еще по существу не прослежено развитие основных типов культовых построек, не выявлена история формирования иного ансамбля деревянного погоста или монастыря.

Русская деревянная архитектура, на протяжении всего средневековья с исключительной полнотой отражавшая как развитие производительных сил, так и пути формирования национальной культуры народа, отражавшая его жизнь, его верования и представления, нуждается в своей истории. До недавнего времени существовала парадоксальная ситуация, когда древнейшие формы деревянного зодчества изучались на примере памятников... XVI—XVIII вв. Ошибочность такого подхода стала очевидной по мере накопления археологических материалов.

Теперь наши сведения о деревянной архитектуре до эпохи монгольского нашествия, пусть скучные и отрывочные, почти целиком основаны на данных археологии, совершившей подлинный переворот в исторических знаниях. Оказалось, что повышенная влажность нижних слоев почвы в Новгороде, Ладоге и ряде других мест предохраняет дерево от гниения: некоторые восьмисотлетние бревна, найденные при раскопках, сохранились так, что могли бы и теперь быть использованы для строительства.

К сегодняшнему дню открыто около двух тысяч остатков жилищ ранней поры, но в лучшем случае это развал печи, фрагменты пола, два-три нижних венца. Счастливое исключение представил собой киевский Подол, где во время раскопок были найдены срубы X—XI вв., которые возвышались на шесть—девять венцов [61, с. 449]. Однако среди находок, к сожалению, нет таких, о которых можно было бы точно сказать, что это остатки церквей или часовен. Причем подавляющее большинство жилищ найдено на территориях городских поселений, а древнерусские селща по-прежнему остаются слабо исследованными.

Тем не менее сделано археологами немало: удалось выяснить распространенность тех или иных планов жилища, некоторые конструктивные детали. Но как выглядели эти строения? Сколько они имели этажей? Какие были у них окна, кривли, крыльца? Разбросанные по дворовому участку, соединялись ли они друг с другом? Иными словами, «ни внешний облик деревних жилищ, ни их внутреннее оборудование мы и

сейчас не можем представить себе достаточно ясно» [55, с. 104].

Долгое время господствовало убеждение, что жилище мало изменялось на протяжении веков. И. Е. Забелин — один из крупнейших знатоков культуры древней Руси в XIX в. — выразил эту мысль с предельной ясностью: «...теперешний крестьянский двор Великой Руси точно так же ставится, как ставился, может быть, за триста, четыреста и даже за тысячу лет» [33, с. 27]. И вот появилась книга Ю. П. Спегальского, в которой доказывается, что облик древнейших построек Руси мало напоминал позднейшие, что многие строительные формы на протяжении веков исчезали бесследно. Автор одним из первых в нашей исторической науке предложил целую серию смелых графических интерпретаций остатков деревянных строений, открытых археологами.

«Более или менее ясное представление о древней постройке, — писал ученый, — не только воплощается в изображениях ее первоначального вида, но и складывается в значительной мере именно в серьезной работе над ними» [58, с. 15]. В этой книге много спорного и предположительного, но бесспорно одно — она знаменует собой определенный этап в изучении деревянной архитектуры древности и призывает к дальнейшим сопоставлениям и накоплению фактов.

Положение существенно меняется, когда мы обращаемся к более позднему периоду русского средневековья: археологические источники здесь отступают на второй план, ибо археологи исследуют по преимуществу памятники домонгольской эпохи. Однако значительно богаче становятся памятники письменные. Это различные грамоты — купчие, вкладные (в монастыри), заслуженные, переписные и приходо-расходные книги, в которых нередко встречаются подробные описания деревянных построек.

Исключительное место занимают строительные порядные (от древнерусского «р я д» — договор), заключавшиеся между заказчиками, которыми чаще всего были крестьянские общины-миры или монастыри, и плотниками. По существу это единственные документы, составленные самими мастерами. Там мы находим не только условия найма, но и ссылки на образцы, описание деталей будущей постройки — иначе говоря, ее словесный проект, ибо чертежи и эскизы в современном понимании, как правило, тогда не применялись.

Эти порядные до сих пор мало изучены, даже далеко не все выявлены, хотя их значение по достоинству было оценено еще И. Е. Забелиным: «В числе материалов для истории наших древних художеств и ремесел, — писал он, — подрядные записи по богатству данных занимают одно из важнейших мест. Без них и сами памятники останутся навсегда иены. Техническое же дело древних художеств с его неясными терминами... может быть разъяснено единственно только при

помощи этих записей, в которых находим самые подробные указания по этому предмету» [32, с. 159].

Для изучения деревянной архитектуры XVI—XVII вв. мы располагаем, кроме того, немногочисленными, но разнообразными изобразительными источниками. Это рисунки иностранных путешественников, планы (в старину их называли чертежами) некоторых городов и селений, которые составлялись при строительстве новых городов-крепостей или при перестройке старых, а также для разбора земельных тяжб. Выполнены они без соблюдения масштаба и часто соединяют в себе собственно плаи (иногда там указаны размеры города) с изображением фасадов, что позволяет в той или иной степени представить внешний вид построек. Судя по описям Царского архива и Разрядного приказа, в Русском государстве чертежи были широко распространены. Достаточно сказать, что по одному Белгороду их перечислено 27 [18, с. 62]. К сожалению, от этого богатства до нас дошли лишь обрывки, нередко в самом прямом смысле слова.

Кроме того, в XVII в. начинают изображать деревянные церкви и целые монастырские ансамбли на иконах, посвященных местным северным святым. Правда, передача подлинной архитектуры никогда не являлась целью иконописцев и все же изредка они писали вполне конкретные, даже узнаваемые храмы, как бы представлявшие святого и его обитель. Привлечение письменных сведений, а когда возможно, и натуральных, сравнение с аналогичными из сохранившихся памятников позволяет использовать и этот трудночитаемый источник [48, с. 333, 343].

После сказанного не приходится удивляться, что памятники деревянного зодчества все чаще и чаще мы изучаем не под открытым небом, а в тиши музеев и читальных залов, ибо материалы о них рассеяны по фондам многих архивов и рукописных отделов библиотек. На собирание этих бесценных крупниц уходят годы. Иногда целые недели не дают никакого «улова», не сбываются самые заветные надежды, но случается (чаще всего неожиданно), что вы вдруг находите то, что уже отчаялись найти или же вовсе не искали: год постройки «вашего» памятника, имена строителей, «роспись» — описание города-крепости, запись о расходе строительных материалов, смету XVIII или XIX вв. на ремонт, из которой иногда можно узнать об исчезнувших частях, о первоначальном покрытии кровли, о существовании крылец, о прежнем иконостасе, который заменяют по ветхости, и т. д. Если же нашлось старинное изображение — это редкая удача.

Постепенно вы сживаетесь со «своим» памятником и от души радуетесь любому упоминанию о нем, будто это весть о родном человеке. Так давио не существующее сооружение неизвестных мастеров начинает жить новой жизнью. Понемногу заполняются «белые пятна» его строительной биогра-

фии: к одному документу рано или поздно приходит другой, третий. Вместе с тем, естественно, появляются и новые вопросы, и новые предположения. Сопоставление многочисленных свидетельств, кстати, нередко противоречивых, приводит к тому, что в вашем сознании все отчетливее вырисовываются контуры памятника, определяются этапы в жизни целого поселка или монастыря, затерянного где-нибудь в глухих северных лесах. И тут мы подходим к важному моменту исследования, когда все наши знания, представления и даже догадки суммируются в реконструкции на бумаге.

Разумеется, графическое изображение — не фотография, это скорее гипотетический портрет, в одних деталях которого мы уверены вполне, в других сомневаемся, ио, как справедливо писал Ю. П. Спегальский, «предположения и допущения в такой работе неизбежны... Попытка обойтись без гипотез привела бы не к объективности, а, наоборот, к явному искажению фактов... Значение гипотезы нельзя не только отрицать, но и не в меру ограничивать — она должна получать место и в решении широких вопросов, и при реконструкции отдельных зданий» [58, с. 16].

Сегодня мы еще далеки от того, чтобы с достаточной полнотой представить картину развития народного зодчества даже в позднем средневековье, не говоря уже о раине. История деревянной архитектуры, если она будет написана, непременно явится итогом общего труда архитекторов, археологов, историков, этнографов, искусствоведов.

Продолжая мысль И. Э. Грабаря, можно сказать, что задача современных исследователей — завершив изучение того, что осталось от деревянной архитектуры, начать собирание и систематизацию письменного, а также изобразительного материала. Цель же этой книги — показать на нескольких примерах результаты сопоставления разнородных источников: актов, чертежей, икон XVII—XVIII вв., фотографий начала нашего столетия, материалов натурного изучения сохранившихся построек. Это лишь отдельные страницы истории деревянного зодчества, рассказывающие о давно и недавно исчезнувших памятниках. Подобные им составляли некогда лицо северной Руси, ибо каменные храмы и палаты, хотя и строились в XVI—XVII вв. чаще, чем прежде, но на Севере все же были редкостью.

Читатели узнают о крестьянских и посадских дворах Тихвинского посада, о богатых хоромах Вологды и Олоца, о храмах на берегах Северной Двины и Минцы (в бассейне Мологи), о формировании ансамблей Введенского погоста на Устье — притоке Ваги и Александро-Ошевенского монастыря неподалеку от Каргополя, наконец, о строительстве «города» в Олонце — одной из самых значительных деревянных крепостей на Севере в XVII в. Здесь пойдет речь также и о плот-

ничьих артелях, их повседневной работе и инструментах, о секретах мастерства.

Мы специально приводим много старинных документов, чтобы читатель смог сам «услышать» язык ушедшей эпохи и сам увидеть, каким образом интерпретируется их текст, не всегда и не во всем до конца понятый теперь даже исследователю.

«*Рубить... добро и стройно*» — записали плотники в одной из своих порядных. В этом обязательстве — вся суть народного зодчества, воплотившего в себе и человечность, и высокое мастерство, и извечное стремление людей к гармонии — к стройности, как сказали бы в старину.

I. ТИХВИНСКИЕ ДВОРЫ И ВОЛОГОДСКИЕ ХОРОМЫ

*А во дворе хором:
изба, да клеть, да сени...*

Во всем многообразии деревянных строений на Руси жилые и хозяйственные — самые распространенные. Это избы, горницы, повалуши, сени, клети, а также погреба, мшаники, повети, конюшни, хлева, сенники, амбары, сараи, житницы, гумна, овины и другие постройки, объединенные в прошлом общим словом «хоромы». Но почти ни одна из них не сохранилась даже от XVIII в., не говоря уже о более ранних временах. Обращаться в нашем случае к этнографическим материалам следует с осторожностью, ибо некоторые характерные черты жилища XIX—XX вв. сложились относительно поздно [30, с. 48; 43, с. 230—231; 65, с. 99—100; 58, с. 69]. И потому особое значение имеют для нас два известных плана Тихвинского посада 70-х гг. XVII в.*, один из которых обычно называют планом Ивана Зеленина (рис. 1, вклейка).

Здесь мы ограничимся главным образом ими и впервые публикуемой порядной на строительство в Вологде двух горниц (см. приложение). Дальше, рассказывая об Олонце, мы еще раз вернемся к гражданским постройкам, чтобы рассмотреть хоромы воеводы, дьяка и приказную избу, стоявшие на территории крепости. Однако надо напомнить, что все эти строения дают представление лишь о незначительной части деревни жилищ XVII в.

Хотя к планам Тихвинского посада исследователи обращались неоднократно, запутанная история их создания до недавнего времени оставалась невыясненной. А между тем ее изучение помогает уточнить даты составления планов, а также определить степень достоверности изображенных там посада и близлежащих деревень.

Снятие этих планов связано с многолетней тяжбой двух тихвинских монастырей — мужского Успенского с женским Введенским из-за двух деревень и относящихся к ним сених покосов. По челобитью Введенского монастыря и царскому указу осенью 1678 г. были посланы из Новгорода «для земляного размеру и чертежу» дворянин Иван Дмитриевич Зеленин и подьячий Петр Евстафьев **. Они «досматривали» спорные земли и составили их первый «чертеж», на основании которого новгородский воевода князь Ю. М. Одоевский принял решение в пользу мужского монастыря. Тогда «введенские власти» составляют новую челобитную, обвиняя И. Зеленина и П. Евстафьеву, что они-де осмотрели не все угодья и составили «неправый чертеж». Князь Ю. М. Одоевский приказывает

* Один план хранится в архиве ЛОИИ АН СССР (колл. 220, № 167), другой в ЦГАДА (ф. 192, Новгородская губ., № 9). Целиком они никогда не воспроизведились. К. Н. Сербиной была опубликована лишь копия первого плана, выполненная в XIX в. [57]. Большие фрагменты его оригинала см. в книге С. Забелло, В. Ивацова, П. Максимова [34, с. 61—63].

** ЦГАДА, ф. 125, оп. 1, № 2 — Тяжбенное дело Тихвинских монастырей, 1678—1687 гг., сст. 22—24 и др.

снова «спорную землю... досмотреть и чертеж написать..., никому не дружа, не норовля».

7 ноября 1679 г. И. Зеленин и П. Евстафьев сделали новое подробное описание-досмотр спорной земли и «тем спорным землям чертеж написали и тот чертеж в деле за их руками».* На этом основании можно предположить, что Зелениным и Евстафьевым было снято два плана: первый — осенью 1678 г., второй — в начале ноября 1679 г. О распределении между ними обязанностей мы можем только предполагать: скорее всего дворянин И. Д. Зеленин руководил работой и составлял «досмотр», а служивый человек подьячий П. Евстафьев непосредственно выполнял чертеж. Последний еще целиком находился во власти иконописной традиции.

В январе 1680 г. тяжбенное дело рассматривалось самим царем. В связи с этим несколько ранее в Москву направился Ю. М. Одоевский. Для этого в декабре была снята копия со всего спорного дела, а 29 декабря 1679 г., как видно, с той же целью иконописец Иван Андреевич Квасников сделал копию чертежа, которую новгородский воевода взял с собою в столицу **. Следовательно, эта копия явилась как бы третьим вариантом плана.

С какими же из указанных вариантов следует связать два известных нам чертежа? Скорее всего первым является плаи, хранившийся в монастырском архиве и, судя по надписи на его копии XIX в., относившийся к 1678 г. Второй, находившийся в Москве при Тяжбенном деле среди грамот 1679 г., — копия, выполненная И. А. Квасниковым для Ю. М. Одоевского. План же, изготовленный Зелениным и Евстафьевым в ноябре 1679 г. и находившийся вместе с подлинным делом в Новгородской приказной палате, по-видимому, исчез: по крайней мере, в архивном фонде этой палаты его обнаружить не удалось.

Значит, дошедшие до нас чертежи выполнялись разными людьми. За это говорит и различие почерков, и то обстоятельство, что московский план по сравнению с монастырским исправляет некоторые неточности в передаче архитектуры, но в то же время носит следы спешки: одни строения там недорисованы, другие переданы упрощенно. Это легко объяснимо: иконописец, по-видимому, торопился, срочно снимая копию для отъезжавшего в Москву новгородского воеводы [47, с. 203–204].

Так ожесточенная земельная тяжба привела к появлению планов, давших иам редкую возможность сопоставить их с письменными документами, а чертежников этот спор заставил быть особенно точными. Имению точности требовал от них и государев указ: «учинить чертеж — Успенской монастырь мужской с Введенским девичьем монастырем далеко ль имеет расстояние..., и много ль в той слободе дворов и какие люди живут... опять именно и измерить, и начертить на чертеж чиественно и подлинно...» ***.

* Архив ЛОИИ, ф. 132, оп. 1, карт. 29, № 74, сст. 14 и др.

** Архив ЛОИИ, ф. 132, оп. 1, карт. 26, № 130, сст. 29. Приводим полностью запись в приходо-расходной книге монастыря: «...месяца декабря ... в 29 день ... дано иконописцу Ивану Андреевичу сыну Квасникову, что списывал чертеж с введенскими, от письма двадцать алтын, взял тот чертеж боярин князь Юрьи Михайлович Одоевской с собой к Москве». (там же, оп. 2, № 351, л. 419 об.). Сам иконописец, судя по фамилии, происходил из квасников, которых на Тихвинском посаде насчитывалось тогда 14 семейств, наследственно занимавшихся этим промыслом [57, с. 169–170].

*** Архив ЛОИИ, ф. 132, оп. 1, карт. 26, № 130, сст. 67.

На планах ощущается стремление охватить все пространство единым взглядом, как бы с птичьего полета, но в то же время одни постройки изображены во фронтальной проекции, другие — в аксонометрической (все деревянные обычно показаны с угла: это помогает выявить их объем), реки, дороги — в горизонтальной (к тому же в подлиннике они выделены цветом). Если еще напомнить, что на чертежах XVII в. обычно отсутствуют масштаб и ориентация по странам света, то становится ясно: несмотря на явное стремление к достоверности, взаиморасположение строений соответствовало реальному лишь в общих чертах. Но сами постройки изображены столь тщательно, с таким количеством узнаваемых деталей и таким пониманием их конструктивной логики, что оба плана являются незаменимым источником для изучения и каменной архитектуры двух монастырских ансамблей XVI—XVII столетий, и деревянной — как жилой, так и церковной.

На левом берегу реки Тихвинки, изображение которой пересекает чертеж сверху вниз, показан мужской монастырь с пятиглавым Успенским собором в центре. Ниже, за Вяжицким ручьем и полем — обширный посад. На другой, правой стороне реки, чуть поодаль от нее — Введенский монастырь. Вокруг этих трех центров расположились монастырские слободы и деревни. Некоторые из них стоит рассмотреть повнимательнее. Ценность такого подхода прекрасно доказал Г. Г. Громов [31], вслед за М. В. Красовским [39, с. 45—49] использовавший Тихвинский план 1678 г. как самостоятельный источник по истории древнерусского жилища.

Деревня Фишева Гора (рис. 2), расположенная по течению Тихвинки выше Успенского монастыря, состоит из двух порядков домов: слева — три двора,* справа — четыре. Основу каждого составляет четырехугольный сруб (в старину его называли стопой), сложенный из ряда венцов с выпусками концов бревен по углам, иными словами рубленный «в обло» (иначе «в угол» или «в чашу»): в морозные зимы

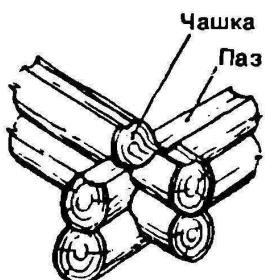
* Понятие «двор» мы употребляем в его историческом значении, имея в виду участок земли с постройками, составляющим отдельное хозяйство.

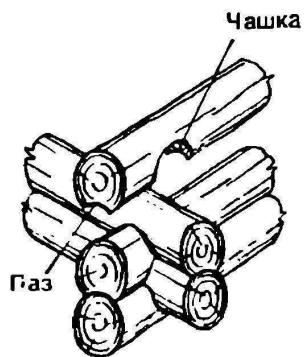
Рис. 1 (вклейка). План Тихвинского посада 1678 г.
Архив ЛОИИ АН СССР

Рис. 2. Деревня Фишева Гора
Фрагмент плана Тихвинского посада 1678 г.

РУБКА «В ОБЛО»:

С ЧАШКАМИ И ПАЗАМИ
В НИЖНИХ БРЕВНАХ

С ЧАШКАМИ И ПАЗАМИ
В ВЕРХНИХ БРЕВНАХ

это мешало промерзанию сруба. Все чашки вырубали строго по форме укладываемых в них бревен. Кроме того, в каждом венце делали продольный паз, чтобы сруб был плотнее. Позднее и паз, и чашку стали выбирать в нижних горбах верхних бревен: так вода почти не попадала в пазы и сруб лучше был предохранен от загнивания. В XVII в. для более прочной связи венцов применялась, кроме того, двойная припазовка — сверху и снизу (например, в заполярном городе XVII в. Магазее [50, с. 44]).

На торцовых фасадах хорошо видно, что бревна, укорачиваясь, поднимаются до самого конька: перед ними самцовая конструкция кровли, и поныне широко распространенная на Севере. Суть ее в том, что в самцы — бревенчатые обрубки, замыкающие треугольником чело избы, врубаются длинные бревна — слеги, по которым на оба ската настилают тес. Его верхние концы, лежащие на последней, князевой, слеге, обычно заводятся под тяжелое бревно, в нижней части имеющее паз, — охлупень, или шелом. Внизу тесины упираются в поток (желоб), который отводит воду подальше от сруба. Желоба, в свою очередь, лежат на крючьях-курицах, вырубленных из неголстых елей: у них чаще всего встречаются корни, отходящие от ствола почти под прямым углом, — готовый крюк. Известная археологическая находка курицы с вырезанной из елового комля головой дракона в новгородском слое XI в. [35, с. 39]. Верхние концы куриц врубались в нижние слеги.

Чтобы выступающие из-под кровельного настила концы слег-обрешетин не сырели, их закрывали причечными и досками, всюду показанными на нашем плане (в приходо-расходных книгах Успенского монастыря они называются «прибоины»). А вот охлупни, курицы и желоба на планах не нарисованы, хотя эти непременные принадлежности самцовской кровли были, конечно, и в тихвинских постройках. Не случайно их часто упоминают те же монастырские книги: «куплено... десять куриц на кроль» (1628 г.), «делали потоки, да шелом» (1649 г.), «потоки делали и курицы врубали» (1657 г.) и т. д. Судя по данным археологии, такая конструкция кровли была характерна для древнерусских срубных построек начиная с IX века [55, с. 144; 64, с. 52—53].

Окна у всех домов по высоте не больше одного бревна. Изнутри они задвигались затворкой (заволакивались); отсюда и название — в о л о к о в ы е. Их треугольное расположение, не раз отмечено в рисунках иностранных путешественников XVII в., да и зафиксировано некоторыми исследователями в натуре, известный этнограф Е. Э. Бломквист объясняла тем, что через среднее, повышенное оконце выходил дым, скапливавшийся вверху [23, с. 119—120], так как избы топились по-черному. К тому же оно немножко освещало и все помещение.